

В. К. Соколова

ФОЛЬКЛОРИСТИКА В АКАДЕМИИ НАУК

Важнейшей задачей организованной в 1724 г. Петербургской Академии наук было всестороннее изучение нашего Отечества, как его физико-географических условий и природных богатств, так и особенностей культуры и быта, нравов и обычаев населяющих его народов. Определенное место в этих исследованиях заняло и устное народное творчество.

Сподвижник Петра I В. Н. Татищев в 1734 г. представил в Академию, а затем разослал на места — на Урал и в Сибирь — анкету для сбора сведений о народах России, а в 1737 г. дал еще более детально разработанную программу, содержащую уже 198 вопросов — «Предложение о сочинении истории и географии российской». Эта первая в истории мировой науки программа сбора этнографических и археологических сведений охватывала разные стороны жизни, быта, хозяйства и истории населения. Были в ней и вопросы, непосредственно относящиеся к фольклору, например: «Нет ли песен таких или сказок, в которых старинные действия воспоминаются; оные списать, а иноязычные перевести», а также вопросы о разного рода поверьях и заговорах. Ответы на анкету поступали в Академию, ей же передал Татищев и свой материал, в том числе и составленный им сборник пословиц.

Анкета Татищева послужила основой руководств, составлявшихся для академических экспедиций: Сибирской Г. Ф. Миллера, Камчатской С. П. Крашенинникова и др. Эти экспедиции, так же как и последующие (И. И. Лепехина, В. Ф. Зуева, Н. Я. Озерецковского и др.), работавшие в разных районах, записывали в числе прочих материалов и фольклор, особенно исторические предания и произведения, отражавшие народный быт (так, например, С. П. Крашенинников отметил у камчадалов фольклорные сюжеты, связанные с охотой и рыболовством) ¹.

Для В. Н. Татищева народная поэзия была важна прежде всего как источник сведений о прошлом народов, об их воззрениях, религиозных верованиях и обычаях. Так использовал он предания и песни и в своей «Истории России». Как к историческому источнику подходил к фольклору и великий русский ученый-энциклопедист М. В. Ломоносов. Народная поэзия служила для него доказательством древности, богатства и самобытности русской культуры. В своих исторических исследованиях он особое внимание уделял русской мифологии, причем, подчеркивая ее древность и своеобразие, он рассматривал ее и в сравнительном аспекте, сопоставляя с греческой и с римской. Использовал он также исторические предания и легенды, стремясь выявить их фактическую основу. М. В. Ломоносов считал, что фольклор дает возможность воссоздать древнейший период жизни народа и помогает выяснить его происхождение, родственные связи с другими народами.

¹ Подробнее об академических экспедициях см.: Т. В. Станюкович, Музей антропологии и этнографии в системе Академии наук, «Сов. этнография» (далее — СЭ), 1974, № 2; С. А. Токарев, Из истории этнографических исследований в Академии наук, там же.

К фольклору обращались и как к ценному художественному наследию, основе национальной литературы. Со всей определенностью это подчеркнул В. К. Третьяковский. Обосновывая предпринятую им реформу русского стихосложения, он писал в «Кратком и новом способе к сложению стихов российских» (1735 г.): «Всю я силу взял сего нового стихотворения из самых внутренностей свойств нашему стиху присущих; и буде желается знать, но мне надлежит объявить, то поэзия нашего простого народа к сему меня довела». В. К. Третьяковский говорил, что «сладшее, приятнейшее и правильнейшее разнообразных ее [народной поэзии] стоп падение» побудило его ввести двусложные стопы. Ломоносов, завершивший реформу русского стихосложения и утвердивший у нас силлабо-тоническую систему, также во многом следовал народным песням и отметил некоторые их художественные особенности. Можно сказать, что первые наши академики и поэты — М. В. Ломоносов и В. К. Третьяковский стояли у колыбели русской фольклористики.

В XVIII в. еще не было создано науки о народной поэзии. В это время история и филология, из которых позже выкристаллизовались этнография и фольклористика, только стали развиваться. Но в XVIII в. началось накопление материала и, что особенно существенно, был найден правильный подход к фольклору, осознано его историческое и художественное значение. Важнейшей особенностью создававшейся в недрах Академии наук фольклористики с самого начала было отсутствие национальной ограниченности; ее внимание привлекала устная поэзия не только русского, но и других народов России.

С появлением в середине XIX в. трудов Ф. И. Буслаева фольклористика стала одной из ведущих гуманитарных наук. Чтобы представить, какой размах получили в Академии исследования по фольклору и какого высокого уровня они достигли, достаточно вспомнить труды таких выдающихся ученых-академиков, работавших в этой области, как И. И. Срезневский, В. В. Радлов, А. Н. Пыпин, А. И. Соболевский и др., особенно А. Н. Веселовский и В. Ф. Миллер. Много ценного в исследовании разных аспектов народной поэзии внесли также лингвисты и историки Н. И. Костомаров, Е. Ф. Корш, А. А. Шахматов, М. Н. Тихонов и др.

Исследовательская работа в области народной поэзии в Академии все время сочеталась со сбором и изданием фольклорных произведений. В основном собиранием фольклорных (так же, как и этнографических) материалов в XIX в. занимались различные внеакадемические учреждения и научные общества — центральные и местные — и отдельные лица. Но развивалась эта работа зачастую по инициативе и под руководством сотрудников Академии, которые порой возглавляли соответствующие отделы научных обществ. Так, В. Ф. Миллер долгое время руководил этнографическим отделом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, а затем отделом этнографии Русского географического общества; С. Ф. Ольденбург был председателем Сказочной комиссии Русского географического общества, он продолжал эту работу и после революции.

Многие собиратели фольклора получали в Академии наук методическую, а иногда и материальную помощь, публиковали в академических изданиях свои материалы. Неутомимый собиратель П. В. Шейн неизменно находил поддержку у Н. И. Костомарова, А. Н. Пыпина, Я. К. Грота, В. Ф. Миллера, А. А. Шахматова, а его выдающиеся по количеству и качеству собрания русских и белорусских песен, обычаев и обрядов были изданы Академией наук. Чтобы показать, как внимательно относились в Академии к начинающим ученым, достаточно привести лишь один пример — изданный в 1915 г. сборник «Сказки и песни Белозерского края», составленный из материалов, собранных в 1908 и 1909 гг. студентами, братьями Б. и Ю. Соколовыми; помогла им осуществить эти

поездки и снабдила их программами Московская диалектологическая комиссия при Академии наук.

Фольклорные материалы регулярно печатались в «Известиях» и «Сборнике» Отделения русского языка и словесности Академии наук. Так, уже в первом томе «Известий» (1852 г.) были помещены «Старинные великорусские песни», собранные в Нижегородской губернии Е. Фаворским. Некоторые тома «Сборника» целиком заняты отдельными крупными собраниями. Опубликованы были и некоторые старинные записи фольклора: в 1899 г. вышел сборник «Старинные рукописные сборники пословиц, поговорок, загадок и пр. XVII—XIX вв.», а в 1907 г.— «Великорусские песни, записанные в 1619—20 гг. для Ричарда Джемса...». Оба издания были подготовлены П. К. Симоном. В 1898 г. Академия переиздала «Онежские былины» А. Ф. Гильфердинга, а в 1913 г.— «Собрание разных песен» М. Д. Чулкова, давно уже ставшее библиографической редкостью. Семитомное капитальное издание А. И. Соболевского «Великорусские народные песни» (1895—1902 гг.) и сборник В. Ф. Миллера «Исторические песни русского народа XVI и XVII вв.» (1915 г.) явились первыми сводами русского песенного фольклора. Следует отметить, что Академия наук сыграла значительную роль не только в изучении русского фольклора, но и фольклора других народов России (см. работы по славистике А. Х. Востокова и И. И. Срезневского, тюркологические исследования В. В. Радлова, монголоведческие — А. А. Шифнера, финно-угроведческие материалы М. А. Кастрена, изданные А. М. Шёгренем, кавказоведческие работы В. Ф. Миллера и др.). Можно назвать также материалы, собранные В. Г. Богоразом на Колыме, «Мордовский сборник» А. А. Шахматова и др.

Лучшие традиции прогрессивной дореволюционной науки — отношение к фольклору как к важнейшему источнику для изучения воззрений, культуры и исторического прошлого народных масс, признание его художественной ценности — были восприняты и развиты советской фольклористикой.

Масштаб собирательской и исследовательской работы в области народной поэзии после Великой Октябрьской социалистической революции неизмеримо вырос: собирать и изучать стали народное творчество всех народов Советского Союза, причем были открыты поэтические богатства, о которых раньше ничего не было известно. Фольклор использовался также как один из источников при изучении истории разных народов и явился той базой, на которой создавались литературы ранее бесписьменных народов. Отсюда естественно пристальное внимание общественности к изданиям и исследованиям по народной поэзии.

Советскую фольклористику от дореволюционной отличает не только и не столько широкий размах работы, но прежде всего новый подход к народному поэтическому творчеству, новая марксистско-ленинская методология исследования. Путь советской фольклористики, постепенно овладевавшей методом исторического материализма, был сложным и не всегда ровным; наряду с успехами у нее были срывы и ошибки, порой существенные. История советской фольклористики, основные этапы ее развития, проблемы, разрабатывавшиеся ею, освещены с большей или меньшей обстоятельностью в ряде работ, в том числе и в статьях, публиковавшихся в «Советской этнографии»². Здесь нет необходимости повторять все это. Цель данной статьи — постараться показать, какую

² Е. В. Гиппиус, В. И. Чичеров, Советская фольклористика за 30 лет, СЭ, 1947, № 4; В. К. Соколова, Советская фольклористика к 40-летию Октября, СЭ, 1957, № 5; Б. Н. Путилов, В. К. Соколова, Основные проблемы советской фольклористики, СЭ, 1964, № 4; В. К. Соколова, Советская фольклористика к 50-летию Октября, СЭ, 1967, № 5; В. М. Гацак, Фольклористика Советского Союза за 50 лет, «Изв. АН СССР. Серия литературы и языка», 1972, № 6.

роль в развитии советской фольклористики сыграли академические учреждения.

Надо сразу же оговориться, что наряду с фольклористами, работающими в головных институтах Академии наук СССР, большие научные коллективы сосредоточены в секторах или отделах фольклора соответствующих институтов в союзных и автономных республиках. Во многих республиках собраны значительные фонды фольклорных материалов, проводится их систематизация, классификация и издание; ведутся разнообразные исследования. Особенно следует отметить фольклористические центры Украины, Белоруссии, Эстонии, Латвии, Литвы, Грузии, Армении, Таджикистана, Узбекистана и др. Большая работа проводится и в неакадемических учреждениях, особенно на филологических факультетах университетов и педагогических институтов. Характеристика всей этой обширной и многосторонней деятельности не входит в задачу данной статьи. Важно лишь подчеркнуть, что работа всех советских фольклористов идет в одном русле, а направляется и возглавляется она учреждениями АН СССР.

Работа по фольклору в АН СССР после революции расширялась и углублялась с ростом Академии в целом и с усилением ее роли в развитии советской науки. В настоящее время фольклорные подразделения в АН СССР существуют в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Институте русской литературы («Пушкинский дом») и в Институте мировой литературы им. А. М. Горького. Исследования по фольклору ведутся также в институтах славяноведения и балканистики, востоковедения и др. Разрабатывая общую фольклорную проблематику, фольклористы каждого института имеют и свои специфические задачи, свою тематику, соответствующую профилю института.

Создавались все эти фольклорные подразделения не сразу. В 1931 г. в Академию наук были переданы из Государственного института истории искусств фольклорный архив, возглавлявшийся М. К. Азадовским, и фонограммархив, возглавлявшийся Е. В. Гиппиусом, на базе которых в Институте этнографии под руководством М. К. Азадовского была создана фольклорная комиссия. В Комиссию вошли А. М. Астахова, Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд, позже в ней работали Н. П. Андреев, А. Н. Лозанова, А. И. Никифоров и др. Комиссия систематически проводила экспедиции, выпустила ряд фольклорных сборников³, а регулярно издававшийся ею сборник «Советский фольклор»⁴ стал центральным органом советских фольклористов. Среди публиковавшихся в нем исследований и материалов основное место занимали статьи по советскому фольклору. В 1939 г. Комиссия по фольклору была переведена в Институт русской литературы (ИРЛИ) и преобразована в сектор народного творчества.

Сектор возглавил исследование и издание русского фольклора, на базе которого разрабатывались и теоретические проблемы. Сотрудникам сектора помимо ряда капитальных трудов по отдельным жанрам принадлежит первый опыт создания обобщенной истории русского дореволюционного⁵ и советского устного поэтического

³ «Былины Севера», т. I — «Мезень и Печора» (записи, вступит. статья и комментарии А. М. Астаховой). М.—Л., 1938, т. II — «Пинега и Поморье», Л., 1951; «Песни Пинежья», кн. II (материалы фонограммархива, собранные и обработанные Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд), М., 1937, и др. Под редакцией М. К. Азадовского начато было третье, сделанное по рукописям А. Ф. Гильфердинга издание «Онежские былины» (т. II, М.—Л., 1938, т. III, М.—Л., 1940), открывшее серию «Памятники русского народного творчества».

⁴ «Советский фольклор. Сборник статей и материалов». Выходил с 1934 г. по 1941 г. в Ленинграде. Всего было издано семь выпусков (последний сборник был подготовлен Ин-том русского языка и литературы).

⁵ «Русское народное поэтическое творчество», т. I — «Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII века», М.—Л., 1953; т. II, кн. I — «Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины

творчества⁶. Было решено подготовить «Свод русского фольклора», проект которого обсуждался в 1958 г. на Всесоюзном совещании по проблемам современной фольклористики в Ленинграде. «Свода» пока нет, но начало ему по существу положено: вышли четыре тома свода русских исторических песен в серии «Памятники русского фольклора»⁷. В этой же серии изданы некоторые ценные коллекции современных и старых записей из фольклорного архива ИРЛИ и других архивов⁸. С 1956 г. сектор регулярно издает сборник «Русский фольклор»⁹, в котором публикуются материалы и исследования советских и ряда зарубежных фольклористов. На страницах сборника поднимались важные проблемы: о характере историзма фольклора, специфике отдельных жанров, их возникновении и классификации, об особенностях и взаимосвязях устной поэзии славянских народов и пр.; велись дискуссии о специфике и путях развития советского народного творчества, о природе и специфике фольклора, о коллективном и индивидуальном начале в фольклоре и др. Ценным подарком фольклористам явилась полная библиография русского фольклора за советский период, составленная М. Я. Мельц¹⁰.

Сектор народного творчества ИРЛИ имеет и специфическую задачу — изучение взаимосвязей русской литературы с фольклором на протяжении всей истории, а также использование фольклора в творчестве отдельных писателей. По проблеме «Литература и фольклор» ИРЛИ провел в 1969 г. специальную конференцию, на которой были обсуждены доклады В. Г. Базанова «Основные аспекты изучения проблемы „Литература и фольклор“» и Ф. Приймы «Русская литература и фольклор». Подготовлена коллективная монография о роли фольклора в развитии русской литературы XI—XVIII веков¹¹.

В 1944 г. в Москве в Институте этнографии АН СССР был создан Сектор фольклора, возглавленный П. Г. Богатыревым (сейчас в институте работает группа фольклора). Помимо разработки общих фольклористических проблем и изучения фольклора народов СССР перед

XVIII — первой половины XIX века», М.—Л., 1955; т. II, кн. 2 — «Очерки по истории русского народного поэтического творчества второй половины XIX—начала XX века», М.—Л., 1956.

⁶ «Очерки русского народного поэтического творчества советской эпохи», М.—Л., 1952.

⁷ «Исторические песни XIII—XVI веков» (издание подготовили Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский), М.—Л., 1960; «Исторические песни XVII века» (издание подготовили О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев), М.—Л., 1966; «Исторические песни XVIII века» (издание подготовили О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов), Л., 1961; «Исторические песни XIX века» (издание подготовили Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин), Л., 1973.

⁸ «Песни, сказки, пословицы и загадки, собранные Н. А. Иванцом в Вологодской губернии» (подготовка текстов, вступит. статья и примеч. Н. В. Новикова), Вологда, 1960; «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков» (издание подготовили М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова и Г. Г. Шаповалова), М.—Л., 1961; «Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова» (издание подготовил В. Я. Пропп), М.—Л., 1961; «Былины Печоры и Зимнего берега (Новые записи)» (издание подготовили А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов), М.—Л., 1961; «Песни Печоры» (издание подготовили Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский), М.—Л., 1963; «Песенный фольклор Мезени» (издание подготовили Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов), М.—Л., 1967.

⁹ Всего вышло XIII выпусков. Начиная с восьмого, выпуски тематические: VIII — «Народная поэзия славян», М.—Л., 1963; IX — «Проблемы современного народного творчества», М.—Л., 1964; X — «Специфика фольклорных жанров», М.—Л., 1966; XI — «Исторические связи в славянском фольклоре», М.—Л., 1968; XII — «Из истории русской народной поэзии», Л., 1971; XIII — «Русская народная проза», Л., 1972.

¹⁰ «Русский фольклор. Библиографический указатель» (составила М. Я. Мельц); вышли три книги: 1917—1944 — Л., 1966; 1945—1959 — Л., 1961; 1960—1965 — Л., 1967.

¹¹ «Русская литература и фольклор (XI—XVIII вв.)», Л., 1970. Связи советской поэзии с фольклором исследуются в монографии: П. С. Выходцев, Русская советская поэзия и народное творчество, М.—Л., 1963.

сотрудниками Института этнографии стоит специальная задача — исследовать фольклор как историко-этнографический источник¹², помогающий выяснению этногенеза и этнокультурных связей народов, и как материал для изучения мировоззрения народа в разные исторические периоды¹³. Выявлению этнических и культурных связей способствует изучение современного состояния и особенностей развития фольклора населения, живущего в инонациональной среде. Такая работа проводится под руководством Э. В. Померанцевой в республиках Прибалтики; совместно с местными фольклористами подготовлен сборник «Традиционный фольклор русского населения Прибалтики» (песни и сказки).

Как важный элемент духовной культуры фольклор рассматривается в историко-этнографических исследованиях, в монографиях по современному быту и культуре колхозников и рабочих¹⁴, особенно же при изучении народных обычаев, обрядов и праздников, неотъемлемой органической частью которых является устная поэзия¹⁵.

К фольклору как ценнейшему источнику по истории и этнографии народов Сибири постоянно обращаются этнографы-сибиреведы, следующие в этом отношении традициям В. Г. Богораза, В. И. Иохельсона, Л. Я. Штернберга. Ими собран большой, зачастую уникальный материал, который по мере возможности вводится в научный оборот в историко-этнографических исследованиях и научных публикациях¹⁶.

Задачи комплексного изучения фольклора, значение его для этнографии обесуждались на Всесоюзных этнографических совещаниях 1951 и 1956 гг. (на которых работали секции фольклора), а также на секциях фольклора и народного искусства ежегодно проводимых отчетных экспедиционных сессий (на сессии, проходившей в апреле 1973 г. в Самарканде, была специальная секция «Этнографические аспекты изучения духовной культуры»).

Объединению усилий этнографов и фольклористов, исследующих фольклор в этнографическом аспекте, и расширению и координации работы в этом направлении способствуют проводимые Институтом этнографии в Ленинграде научные конференции «Фольклор и этнография», в которых участвуют представители союзных академий и филиалов АН СССР и преподаватели вузов. На этих конференциях говорилось о задачах и методах этнографического изучения фольклора, о многообразных связях его с бытом народа, о возможностях использования его для изучения ранних форм мировоззрения, социальных институтов и материальной культуры; анализировались многообразные связи устной поэзии с бытом народа, с народным изобразительным искусством и пр.

¹² См.: В. К. Соколова, Фольклор как историко-этнографический источник, СЭ, 1960, № 4; К. В. Чистов, Фольклор и этнография, СЭ, 1968, № 5; его же, О взаимоотношении фольклора и этнографии, СЭ, 1971, № 5 и др.

¹³ Специально этой проблеме был посвящен сборник «Русское народно-поэтическое творчество. Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа» (отв. ред. В. К. Соколова, В. И. Чичеров), «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее — ТИЭ), т. XX, М., 1953.

¹⁴ Например: «Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани» М., 1967 (отв. ред. К. В. Чистов); В. Ю. Крулянская, Н. С. Полищук, Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.), М., 1971, и др. Фольклор использован при характеристике духовной культуры отдельных народов в серии «Народы мира. Этнографические очерки», и др.

¹⁵ Например, в сравнительно типологическом исследовании календарных обрядов, проводимом сектором народов зарубежной Европы. Вышел первый выпуск исследования — «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX — начало XX в. Зимние праздники» (отв. ред. С. А. Токарев), М., 1973.

¹⁶ Г. М. Василевич, Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания (Запись текстов, перевод и комментарии Г. М. Василевич), М.—Л., 1966; «Мифологические сказки и исторические предания энецов» (записи, введение и комментарии Б. О. Долгих), ТИЭ, т. LXVI, М., 1961; «Бытовые рассказы энецов» (записи, введение и комментарии Б. О. Долгих), ТИЭ, т. LXXV, М., 1962, и др.

Вторая из этих конференций (1971 г.) была специально посвящена проблемам изучения обрядового фольклора¹⁷.

Разрабатывается методика картографирования фольклорных явлений, что особенно важно для сравнительно-исторического изучения народного поэтического творчества и выявления этнокультурных связей. На второй конференции «Фольклор и этнография» обсуждался доклад К. В. Чистова о задачах и методах картографирования обрядов и обрядового фольклора. Опыт применения картографирования для изучения распространения былин на Севере предпринят С. И. Дмитриевой¹⁸. Такой метод исследования, по мысли автора, поможет решению проблемы происхождения былин и изучению истории заселения Европейского Севера.

Сектор фольклора в Институте мировой литературы, созданный в 1953 г., занимается в основном изучением эпического наследия народов Советского Союза. Институтом совместно с соответствующими институтами союзных и автономных республик подготавливается академическая серия «Эпос народов СССР» (главный редактор А. А. Петросян). Задачи и характер издания, принципы отбора текстов, их перевода, комментирования и пр. обсуждались на Всесоюзном совещании в Институте мировой литературы в 1959 г. (Второе Всесоюзное совещание проведено в феврале текущего года). В процессе подготовки детально обсуждается каждый том, вырабатываются теоретические принципы текстологического анализа памятников эпоса¹⁹. Сейчас уже вышли первые выпуски серии²⁰. Тексты даются на языке оригинала и в переводе на русский язык, научно комментируются; в кратком вступительном исследовании оценивается историческое значение данных эпических произведений и показывается их художественное своеобразие.

В целях объединения и направления работы советских фольклористов по изучению народного поэтического творчества при отделении литературы и языка АН СССР в 1956 г. была создана под председательством акад. И. А. Орбели Координационная комиссия по народному творчеству. В нее вошли ведущие советские фольклористы из разных республик и областей. Комиссия разработала «Записку», в которой были намечены основные задачи и проблемы изучения фольклора советских народов²¹. Позднее комиссия была преобразована в Научный совет по фольклору (председатель Н. И. Кравцов). Совместно с центральными и республиканскими институтами Совет провел ряд всесоюзных и региональных совещаний, посвященных теории и истории фольклора, его жанровой специфике и развитию современного народного поэтического творчества. Такие совещания объединяют и направляют работу всех

¹⁷ Проведены три конференции: в 1968, 1971 и 1973 гг. Материалы первой конференции послужили основой сборника «Фольклор и этнография» (отв. ред. Б. Н. Путилов), Л., 1970. Связи фольклора с этнографией анализируются также в сборнике «Фольклор и этнография Русского Севера» (отв. ред. Б. Н. Путилов, К. В. Чистов), Л., 1973. О второй конференции см.: Г. Г. Шаповалова, Вторая научная конференция «Этнография и фольклор», СЭ, 1971, № 6.

¹⁸ С. И. Дмитриева, Географическое распространение былин, в кн.: «Славянский фольклор», М., 1972, и др.

¹⁹ «Текстологическое изучение эпоса» (отв. ред. В. М. Гацак, А. А. Петросян), М., 1971.

²⁰ «Хурдукга и Хемра. Саят и Хемра. Туркменский романтический эпос. Тексты и переводы» (Перевод А. С. Мирбадалевой и Н. В. Кидайш-Покровской. Составление, вступит. статья и комментарии А. С. Мирбадалевой), М., 1971; «Рустамхан. Узбекский героико-романтический эпос. Текст и переводы» (Перевод Н. В. Кидайш-Покровской и А. С. Мирбадалевой. Составитель, автор исследования и комментарии Н. В. Кидайш-Покровская), М., 1972; «Украинские народные думы» (Издание подготовил Б. П. Кирдан), М., 1972; «Маадай-Кара. Алтайский героический эпос» (Запись текста, перевод и приложения С. С. Суразакова. Подготовка тома и вступит. статья И. В. Пухова), М., 1973.

²¹ «Вопросы советской науки. Изучение народно-поэтического творчества», М., 1960.

советских фольклористов, мобилизуют их на разработку актуальных проблем, способствуют повышению теоретического уровня исследований.

Нет возможности охарактеризовать в одной статье все мероприятия, в которых проявилась руководящая роль учреждений АН СССР в развитии советской фольклористики, так же как невозможно назвать все исследования, проведенные фольклористами только головных институтов. Отметим лишь основные направления и наиболее значительные, обобщающие труды.

Уже в 20-е годы внимание фольклористов стали привлекать процессы, происходившие в современном устном народном творчестве. Первый выпуск «Советского фольклора», вышедший в 1934 г., полностью посвящен современности; в предисловии к нему подчеркивалось огромное общественное значение советского фольклора и отмечались некоторые новые явления. О характере, перспективах развития фольклора и его роли в культуре советского общества велись горячие споры на научных заседаниях и в печати.

В годы Великой Отечественной войны на первый план, естественно, выдвинулось соби́рание поэтического творчества фронтовиков и тружеников тыла, запечатлевшего героическую борьбу с фашизмом и выражившего мысли и чувства защитников Родины, их патристический порыв. Обобщение собранных материалов, изучение их имело и большое теоретическое значение, оно помогло глубже понять живой фольклорный процесс, выявить закономерности его развития.

В декабре 1947 г. Институт этнографии провел совещание, на котором были заслушаны доклады о фольклоре периода Великой Отечественной войны у разных советских народов и намечены задачи дальнейшей работы по его соби́ранию и изучению²². Институт был выпущен составленный и научно прокомментированный В. Ю. Крупянской и С. И. Минц сборник песен Великой Отечественной войны²³, в котором прослеживалась история создания песен и их вариантов, связь с событиями военных лет. Продолжавшееся накопление материалов и их изучение дало возможность коллективу фольклористов «Пушкинского дома» создать сборник обобщающих статей²⁴.

Наряду с изучением фольклора военных лет шло соби́рание и изучение послевоенного фольклора, по-новому были оценены и некоторые произведения, создававшиеся в 30-е годы. В ноябре 1953 г. Институты русской литературы и мировой литературы провели совещание по вопросам изучения русского народного поэтического творчества, на котором обсуждался доклад В. И. Чичерова «Об основных особенностях советского народного поэтического творчества». Проблемы, поставленные на совещании, нашли отражение в ряде статей²⁵. О характере и путях развития современного народного творчества в 1953—1955 гг. развернулась острая дискуссия. Она показала, что фактического материала по современному фольклору у нас явно не хватает, и отдельные суждения высказывались априорно. В дискуссии, состоявшейся в 1959—1961 гг., привлекался уже больший материал, углубился и его теоретический анализ²⁶.

²² См. Б. Г. Гершкович, В. Ю. Крупянская, В. К. Соколова, Совещание по вопросам соби́рания, изучения и издания фольклора Великой Отечественной войны, СЭ, 1948, № 2.

²³ В. Ю. Крупянская, С. И. Минц, Материалы по истории песни Великой Отечественной войны, ТИЭ, т. XIX, М., 1953.

²⁴ «Русский фольклор Великой Отечественной войны» (отв. ред. В. Е. Гусев), М.—Л., 1964.

²⁵ Б. Путилов, О современном народно-поэтическом творчестве, «Звезда», 1954, № 2; К. В. Чистов, О некоторых проблемах фольклористики, СЭ, 1954, № 2; В. Чичеров, Проблемы изучения советского народного поэтического творчества, «Новый мир», 1954, № 8; его же, Вопросы изучения народного творчества (к итогам дискуссии), СЭ, 1955, № 3, и др.

²⁶ См. В. Гусев, Две дискуссии, «Русская литература», 1962, № 4.

Споры шли об особенностях и закономерностях развития народного поэтического творчества в современных условиях, о соотношении в нем коллективного и индивидуального начал, о фольклоре и самодеятельности, о месте и значении традиционных жанров и пр. Все эти проблемы поднимались и на Всесоюзном совещании по вопросам современного народного творчества, проведенном в 1961 г. в Киеве Координационной комиссией по народному творчеству, институтами русской и мировой литературы АН СССР и Институтом искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР. В докладах и выступлениях на совещании говорилось о проблемах и задачах изучения современного фольклора, характеризовались его состояние и особенности у различных советских народов²⁷. Новые задачи, вставшие перед фольклористами, нашли отражение и в ряде статей²⁸. В 1965 г. Сибирским отделением АН СССР была проведена конференция по изучению советского фольклора народов Сибири²⁹.

Вскрывшийся, особенно в ходе первой дискуссии, недостаток конкретных наблюдений над живыми процессами, происходящими в современном народном творчестве, и условиями его бытования заставил обратить особое внимание на развертывание собирательской работы и совершенствование ее методики. Фольклор начали рассматривать как один из элементов социалистической культуры. Этот методологический принцип стал основным для экспедиций Института этнографии АН СССР, которые изучали фольклор во всех многообразных его жизненных проявлениях. Так стали подходить к исследованию современного состояния устного поэтического творчества и другие экспедиции. Этот новый подход нашел отражение в статьях, характеризовавших материалы, собранные экспедициями³⁰. Комплексный характер имела экспедиция Института русской литературы АН СССР в Костромскую область в 1959—1960 гг., перед которой «...ставилась задача изучения современного состояния народного творчества в различных условиях его бытования в связи с современной жизнью трудящихся и их бытом, в соотношении с местными фольклорными традициями, в комплексе с другими элементами духовной культуры населения»³¹.

С целью обобщения накопленного опыта и выработки общих принципов экспедиционных исследований Координационная комиссия и Институт русской литературы провели в 1962 г. в Ленинграде научную конференцию по комплексному изучению фольклора, на которой были заслушаны доклады В. К. Соколовой «Об опыте комплексного изучения фольклора», Л. И. Емельянова «Принцип комплексного изучения фольклора в свете проблем современного народного творчества» и сообщения о фольклорных экспедициях.

В начале 70-х годов Комиссией комплексного изучения художественного творчества при Научном совете по истории мировой культуры АН СССР была издана программа для комплексных фольклорных экспедиций³².

Новые материалы, полученные в результате проведенных фольклорных экспедиций, обсуждались на конференции «Современное состояние

²⁷ См. Н. С. Полищук, Всесоюзное совещание по вопросам современного народного поэтического творчества, СЭ, 1962, № 3.

²⁸ К. В. Чистов, Фольклористика и современность, СЭ, 1962, № 3; В. Г. Базанов, Фольклористика и современность, «Русская литература», 1964, № 2; и др. См. также Б. Н. Путилов, В. К. Соколова; Указ. раб.

²⁹ «Вторая конференция по изучению советского фольклора народов Сибири 6—10 июля 1965 г. в Улан-Удэ. Тезисы докладов и сообщений», Улан-Удэ, 1965.

³⁰ См., например: В. Ю. Крупянская, Л. А. Старцева, Фольклор колхозной станции (по материалам Сталинградской фольклорной экспедиции), СЭ, 1949, № 2; К. В. Чистов, Литературно-художественная культура социалистической Сегежи, «Изв. Карело-Финского филиала АН СССР», 1960, № 2, и др.

³¹ «Русский фольклор», вып. VI, М.—Л., 1961, стр. 125.

³² «Программа для комплексных фольклорных экспедиций» (отв. ред. В. Е. Гусев), М., 1971.

народного творчества», проведенной Институтом русской литературы АН СССР и Новгородским государственным педагогическим институтом в 1970 г. в Новгороде. Наряду с общими докладами (А. Д. Соймонов «Современное состояние народного творчества и задачи советских фольклористов», Э. В. Померанцева «Поэтическая культура современного села» и В. М. Шуров «Современный музыкальный фольклор») на конференции были заслушаны доклады и сообщения о состоянии современного народного творчества в разных регионах страны³³.

Обобщения наблюдений над современным бытованием русского фольклора сделаны в статьях сборника «Современный русский фольклор»³⁴, подготовленного Институтом этнографии. Статьи посвящены разным проблемам и жанрам, фольклору различных районов нашей страны, но в них ставится и решается одна общая проблема — характер и состояние современного народного искусства слова во всем его многообразии. Наблюдения над жизнью разных традиционных фольклорных жанров, их местом и ролью в современной культуре обобщены в коллективной монографии, основанной на материалах, собранных экспедициями Института этнографии во Владимирской области³⁵.

Как особая проблема выделилось собирание и изучение рабочего фольклора. Так как до революции устное творчество рабочих почти не записывалось, здесь нельзя было ограничиться наблюдениями только над современным творчеством рабочих; нужно было постараться по мере возможности восстановить пробел, оставленный дореволюционной наукой и собрать дореволюционные песни и рассказы рабочих, являющиеся ценным материалом для изучения истории мировоззрения русского пролетариата, роста его революционного сознания. Работа по собиранию рабочего фольклора была начата еще в Государственном институте истории искусств и продолжена в Академии наук. Учитывая важность этой работы, фольклорная комиссия Института этнографии создала в 1936 г. специальную бригаду по собиранию рабочего фольклора, которая возглавила работу в этой области. Бригада начала собирать фольклор у ленинградских рабочих; регулярно в течение многих лет фиксировался песенный репертуар праздничных демонстраций³⁶. Записывались воспоминания старых рабочих, участников революционных событий, проводились беседы с профессиональными революционерами, которые порою являлись и авторами или переводчиками популярных революционных песен. Таким путем были установлены неизвестные ранее авторы некоторых песен, выяснены или уточнены обстоятельства их создания. В результате В. И. Чичеров и С. Д. Магид составили капитальный, научно прокомментированный сборник «Песни революционного подполья», который, к сожалению, остался неопубликованным³⁷.

Дальнейшее изучение рабочего фольклора шло в общем русле исследований по поэтическому творчеству народов СССР. Но возникали и специфические проблемы, служившие предметом обсуждения в печати и на совещаниях. Чтобы скоординировать работу фольклористов в этой области и вести ее в одном направлении, научный Совет по фольклору,

³³ См. «Современное состояние народного творчества. Программа конференции и тезисы докладов», Л., 1970.

³⁴ «Современный русский фольклор» (отв. ред. Э. В. Померанцева), М., 1966.

³⁵ «Традиционный фольклор Владимирской деревни (в записях 1963—1969 гг.)» (отв. ред. Э. В. Померанцева), М., 1972.

³⁶ О работе бригады см.: А. Астахова, З. Эвальд, Работа бригады ИПИИ по собиранию и изучению фольклора рабочей среды, СЭ, 1932, № 2; А. М. Астахова, П. Г. Ширяева, Старая рабочая песня, СЭ, 1934, № 1—2; П. Г. Ширяева, Из материалов по истории рабочего фольклора, «Сов. фольклор», № 2—3, М.—Л., 1935.

³⁷ Некоторые из этих материалов использованы в исследовании: В. И. Чичеров, Песни и стихи пролетариата в период массового рабочего революционного движения (1890—1907 гг.), в кн.: «Русское народно-поэтическое творчество», ТИЭ, т. XX, М., 1953.

Институт русской литературы и Уральский государственный университет провели в 1963 г. в Свердловске научную конференцию по рабочему фольклору, на которой рассматривались теоретические вопросы изучения устно-поэтического творчества рабочих, специфика и история его жанров³⁸.

Принципиальный интерес представляет ведущееся в Институте этнографии изучение рабочего фольклора в комплексе с исследованием культуры и быта рабочих в целом. При этом фольклор выступает как один из элементов культуры, выясняется его значение и место в быту и общественной жизни рабочего коллектива. Так рассматривает рабочий фольклор Н. С. Полищук в называвшейся уже монографии о рабочих Нижнего Тагила. Ею же начата работа по выяснению места и роли фольклора в духовной культуре рабочих-текстильщиков Центрального промышленного района.

Значительных успехов фольклористы, работающие в системе АН СССР, достигли в исследованиях традиционного фольклора, развивавшихся после революции на новой теоретической основе.

Разработка теории фольклора, обстоятельные монографии, посвященные отдельным фольклорным жанрам, в том числе ранее почти не изучавшимся, в какой-то мере стимулировали аналогичные исследования в союзных и автономных республиках и областях. В современных работах фольклорные жанры рассматриваются в историческом развитии и взаимодействии; основное внимание уделяется выяснению их специфики, идейно-художественным особенностям. В исследованиях по отдельным жанрам или на их основе ставились и разрешались важные теоретические проблемы: отношение фольклора к действительности и специфика ее отображения в разных жанрах, методика сравнительно-исторического изучения фольклора, принципы классификации и др.

Особенно много трудов посвящено эпосу, что обусловлено его огромным историческим и художественным значением. В исследовании эпоса, особенно русских былин, академическая фольклористика достигла больших результатов еще до революции. Советские фольклористы опирались на богатую традицию, преодолевая при этом как отдельные не соответствующие марксизму-ленинизму концепции, имевшиеся в трудах дореволюционных ученых, так и неверные суждения, высказывавшиеся в советской фольклористике (теория аристократического происхождения русских былин, распространенная в конце 20-х начале 30-х годов; огульное отрицание отдельных эпических сказаний народов СССР как антинародных или, наоборот, идеализация их и пр.). Особые проблемы и трудности возникли при подготовке серии «Эпос народов СССР» (отбор вариантов, принципы научного перевода и пр.). Поэтому именно эпосу было посвящено много совещаний, всесоюзных и региональных: Всесоюзное совещание по вопросам изучения исторического эпоса восточных славян (Киев, 1955)³⁹, два совещания по нартскому эпосу народов Кавказа (Орджоникидзе, 1956 и Сухуми, 1963)⁴⁰, по «Алпамышу» (Ташкент, 1956)⁴¹, в 1973 г. в Улан-Удэ прошла конференция «Эпическое

³⁸ См. Н. С. Полищук, Научная конференция по рабочему фольклору, СЭ, 1963, № 5. Материалы совещания послужили основой книги «Устная поэзия рабочих России» (сборник статей под ред. В. Г. Базанова), М.—Л., 1965.

³⁹ См. В. К. Соколов, Совещание по вопросам изучения исторического эпоса восточно-славянских народов, СЭ, 1955, № 4. Материалы совещания опубликованы в кн.: «Основные проблемы эпоса восточных славян», М., 1958.

⁴⁰ «Нартский эпос. Материалы совещания 16—20 октября 1956 г.», Орджоникидзе, 1957; А. Алиева, Всесоюзная конференция, посвященная проблемам изучения нартского эпоса народов Кавказа, «Изв. АН СССР. Серия литературы и языка», т. 23, вып. 2, М., 1964, стр. 174—178.

⁴¹ «Об эпосе „Алпамыш“», Материалы по обсуждению эпоса „Алпамыш“, Ташкент, 1959.

творчество народов Сибири»⁴². Конференции способствовали правильной оценке отдельных эпических памятников, привлекали внимание общественности к ценнейшему художественному наследию.

Записи русских былин, систематически проводившиеся в советское время на Севере в сопоставлении с записями, делавшимися в этих местах раньше, послужили базой для обобщающего труда А. М. Астаховой о жизни былин на Русском Севере. Ею же подведены итоги исследования былин за определенный период и намечены задачи их дальнейшего изучения⁴³. Крупное научное значение имеет обобщающая монография по русскому эпосу В. Я. Проппа⁴⁴. Важное место в исследовании отдельных проблем и сюжетов былин занимают работы В. И. Чичерова, Б. Н. Путилова⁴⁵ и др. Большое теоретическое значение имеют исследования Б. Н. Путилова по сравнительному изучению эпоса славянских народов⁴⁶; в сравнительно типологическом плане ведутся работы по славянскому эпосу и другими исследователями⁴⁷.

Особо следует выделить исследования, в которых раскрывается историческая основа былин, анализируются их связи с разными сторонами быта и культуры древней Руси. Это в первую очередь труды Б. А. Рыбакова⁴⁸, отметившего ряд новых конкретных исторических фактов, получивших отражение в былинах, и Д. С. Лихачева⁴⁹, рассматривающего былины как важнейшую часть древнерусской культуры и давшего анализ некоторых художественных особенностей былин (характер обобщения, «эпическое» время и пр.). В этом же направлении работает Р. С. Липец, прослеживающая отражение в былинах материальной культуры и социальных институтов Киевской Руси⁵⁰, на основе чего делаются заключения о времени сложения былин как жанра. Ею же исследовались связи былин с бытом и хозяйственным укладом последующего времени⁵¹.

Эпос народов Советского Союза, так же как и их фольклор в целом, изучается в основном учеными союзных и автономных республик. Но большая работа в этой области ведется, как уже говорилось, и в Институте мировой литературы. Помимо подготовки серии «Эпос народов

⁴² См.: Б. Н. Путилов, Научная конференция «Эпическое творчество народов Сибири», СЭ, 1974, № I; «Эпическое творчество народов Сибири (Тезисы докладов научной конференции, Улан-Удэ, 17—20 июля 1973 г.)», Улан-Удэ, 1973.

⁴³ А. М. Астахова, Русский былинный эпос на Севере, Петрозаводск, 1948; е е же, Былины. Итоги и проблемы изучения, М.—Л., 1966.

⁴⁴ В. Я. Пропп, Русский героический эпос, Л., 1955.

⁴⁵ В. Чичеров, Сказители Онего-Каргопольщины и их былины, в кн. «Онежские былины» (Подбор текстов Ю. М. Соколова), М., 1948; «Былины» (Вступит. статья, подготовка текста и примеч. Б. Н. Путилова), Л., 1957; Б. Н. Путилов, Об эпическом подтексте (на материале былин и юнацких песен) в сб. «Славянский фольклор» (отв. ред. Б. Н. Путилов, В. К. Соколова), М., 1972.

⁴⁶ Б. Н. Путилов, Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование, М., 1971.

⁴⁷ См., например: Ю. И. Смирнов, Сходные описания в славянских эпических песнях; их значение, в кн.: «Славянский и балканский фольклор», М., 1971; е го же, О значении славянского фольклора для исследования балканской эпической общности, Там же, и др.

⁴⁸ Б. А. Рыбаков, Древняя Русь. Сказания — былины — летописи, М., 1963.

⁴⁹ Д. С. Лихачев, Летописные известия об Александре Поповиче, «Труды отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР», VII, М.—Л., 1949; е го же, Эпическое время русских былин, в кн.: «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. Сб. статей», М., 1952; е го же, Человек в литературе Древней Руси, М.—Л., 1958; е го же, Единичные исторические факты и художественное обобщение в русских былинах, в кн.: «Славяне и Русь. Сб. статей к 60-летию академика Б. А. Рыбакова», М., 1968, и др.

⁵⁰ Р. С. Липец, Эпос и древняя Русь, М., 1969; Р. С. Липец, М. Г. Рабинович, К вопросу о времени сложения былин (вооружение богатырей), СЭ, 1960, № 4.

⁵¹ Р. С. Липец, Былины у промышленного населения Русского Севера XIX — начала XX века, в кн.: «Славянский фольклор», ТИЭ, т. XIII, М., 1951.

СССР» издан ряд монографий по эпосам отдельных народов СССР⁵² и некоторых зарубежных, прежде всего славянских народов⁵³, исследуются также проблемы происхождения эпоса и его ранние формы⁵⁴. В работах этнографов эпос рассматривается и как историко-этнографический источник⁵⁵.

Развивалось и изучение исторических песен. Дореволюционных исследователей они интересовали меньше, чем былины, их внимание привлекал более архаический эпос. Советские же фольклористы подчеркнули значение исторических песен как произведений, показывающих отношение народа к разным историческим событиям и лицам. Естественно, что они обратились прежде всего к песням, выражавшим социальный протест, — к песням о восстаниях Разина и Пугачева⁵⁶. Впервые созданы и обобщающие труды по русским историческим песням⁵⁷.

По существу только в советский период стали изучаться народные баллады. Здесь пришлось искать критерии, по которым баллады можно выделить как особый жанр, выяснить их связи с эпосом и лирикой и пр. Начало серьезному исследованию баллад положил Н. П. Андреев⁵⁸. В последнее время баллады привлекают все больше внимания, что связано и с тем интересом, который проявляется к ним в зарубежной фольклористике. Особенно много для выяснения генезиса и специфики баллад дает их сравнительное изучение⁵⁹.

Новые задачи встали и перед исследователями народной лирики: классификация песен, определение художественных особенностей их отдельных видов, создание каталога песенных мотивов. Обобщающие работы по русским лирическим песням принадлежат Н. П. Колпаковой⁶⁰. Она же в подготовленном ею издании свадебных песен и причетов (из записей 1920—1960 гг., хранящихся в фольклорном архиве ИРЛИ), дала анализ художественных особенностей свадебной лирики⁶¹. Причетам в целом — свадебным, похоронным, рекрутским — посвящены труды К. В. Чистова. Особенно обстоятельно изучено им твор-

⁵² В. М. Жирмунский, Сказание об «Алпамыше» и богатырская сказка, М., 1960; И. В. Пухов, Якутский эпос Олонхо, М., 1962; Б. П. Кирдан, Украинские народные думы, М., 1962; его же, Украинский народный эпос, М., 1965; В. М. Гацак, Восточнороманский героический эпос. Исследование и тексты, М., 1967; У. Б. Далгат, Героический эпос чеченцев и ингушей, М., 1972.

⁵³ Н. И. Кравцов, Сербский эпос и история. СЭ, 1948, № 3; см. также: его же, Проблемы славянского фольклора, М., 1972; «Сербский эпос» (составление, вступит. статья и комментарии Н. И. Кравцова), т. I—II, М., 1960 и другие его работы; «Эпос сербского народа» (серия «Литературные памятники», издание подготовил И. Н. Голенищев-Кутузов), М., 1963, и др.

⁵⁴ Е. М. Мелетинский, Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники, М., 1963; его же, «Элда» и ранние формы эпоса, М., 1968.

⁵⁵ См., например, Т. А. Жданко, Каракалпакская эпическая поэма «Кырк-Кыз» как историко-этнографический источник, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (КСИЭ), XXX, М., 1958.

⁵⁶ «Песни и сказания о Разине и Пугачеве» (вступит. статья, ред. и примечания А. Н. Лозановой), М.—Л., 1935 и другие работы А. Н. Лозановой; «Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях (составители Б. М. Добровольский и А. Д. Соймонов, вступит. статья А. Н. Лозановой), М.—Л., 1965; Б. Н. Путилов, К вопросу о составе разинского песенного цикла, «Русский фольклор», VI, М.—Л., 1961.

⁵⁷ Б. Н. Путилов, Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков, М.—Л., 1960; В. К. Соколова, Русские исторические песни XVI—XVIII веков, ТИЭ, LXI, М., 1960.

⁵⁸ См. его вступит. статью к сб. «Русская баллада» (предисловие, ред. и примеч. В. И. Чернышева), М.—Л., 1936.

⁵⁹ См.: Д. М. Балашов, История развития жанра русской баллады, Петрозаводск, 1966; Б. Н. Путилов, Славянская историческая баллада, М.—Л., 1965; Н. И. Кравцов, Славянская народная баллада, в его кн. «Проблемы славянского фольклора».

⁶⁰ Н. П. Колпакова, Русская народная бытовая песня, М.—Л., 1962 и другие работы.

⁶¹ «Лирика русской свадьбы» (серия «Литературные памятники», издание подготовила Н. П. Колпакова), Л., 1973.

чество прославленной русской вопленицы И. А. Федосовой⁶². Интересные наблюдения над бытованием причетов в период Великой Отечественной войны и их особенностями сделаны В. Г. Базанова⁶³.

Новый подход к изучению обрядов и обрядового фольклора наметился в обобщающих трудах В. И. Чичерова и В. Я. Проппа⁶⁴, явившихся несомненным достижением советской фольклористики и этнографии. А. М. Астахова обратила внимание на значение исследования заговоров⁶⁵.

После революции было издано много сборников сказок, дающих представление о сказочной традиции отдельных районов и творчестве крупных сказочников. Накопленные материалы сделали возможным появление обобщающих работ. Пути развития русской сказки и особенности ее на разных исторических этапах прослежены в монографии Э. В. Померанцевой⁶⁶. Изучению истории русской сказки очень помогают подготовленные к печати Н. В. Новиковым и снабженные его обстоятельными статьями и комментариями, тексты сказок из рукописных сборников и малодоступных изданий XVI—начала XIX в., им же закончено сравнительно-историческое исследование образов волшебных сказок у восточнославянских народов⁶⁷. При историческом изучении сказок естественно встал вопрос и об их генезисе. Решить его на основе только русских сказок нельзя, для этого нужно привлечь сказки других народов, сохранившие более архаические черты. Это и сделано Е. М. Мелетинским в работе о происхождении образа героя волшебной сказки⁶⁸. Из теоретических работ по сказке большое значение имеет труд В. Я. Проппа⁶⁹.

Изучение народной прозы не ограничивается сказками, а охватывает и жанры несказочной прозы. В последние годы все больший интерес вызывают предания и легенды, по которым впервые появились обобщающие исследования В. К. Соколовой и К. В. Чистова⁷⁰. В этих монографиях сделаны и попытки классификации сюжетов и мотивов разбираемых преданий и легенд. Специально проблемой классификации преданий много занимался С. Н. Азбелев⁷¹. Эта работа идет в одном русле с исследованиями зарубежных фольклористов и направлена на решение общей задачи — создание международного каталога преданий.

Интерес представляют и работы этнографов, использующих легенды и исторические предания для изучения этнокультурных связей народа

⁶² К. В. Чистов, Народная поэтесса И. А. Федосова. Очерк жизни и творчества, Петрозаводск, 1955; его же, Ирина Федосова как выразитель крестьянского мировоззрения пореформенного периода, в кн.: «Русское народно-поэтическое творчество», ТИЭ, XX, М., 1953; «Причитания» (серия «Б-ка поэта», вступит. статья и примеч. К. В. Чистова), М.—Л., 1960.

⁶³ «Русская народно-бытовая лирика. Причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой» (вступит. статья и комментарии В. Г. Базанова), М.—Л., 1962.

⁶⁴ В. И. Чичеров, Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков (Очерки из истории народных верований), ТИЭ, XL, М., 1957; В. Я. Пропп, Русские аграрные праздники, Л., 1963.

⁶⁵ А. М. Астахова, Художественный образ и мировоззренческий элемент в русских заговорах. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964.

⁶⁶ Э. В. Померанцева, Судьбы русской сказки, М., 1965.

⁶⁷ См.: «Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века», Л., 1961; «Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI—XVIII вв.)», Л., 1971; «Образы восточнославянской волшебной сказки», Л., 1974.

⁶⁸ Е. М. Мелетинский, Герой волшебной сказки. Происхождение образа, М., 1958.

⁶⁹ В. Я. Пропп, Морфология сказки, Изд. 2-е, М., 1969.

⁷⁰ В. К. Соколова, Русские исторические предания, М., 1971; К. В. Чистов, Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв., М., 1967.

⁷¹ С. Н. Азбелев, Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров), «Славянский фольклор и историческая действительность», М., 1965, его же, Проблемы международной систематизации преданий и легенд, «Русский фольклор», X, М.—Л., 1966, и др.

и древних религиозных верований⁷². Русским народным рассказам («быличкам») о мифологических персонажах, имеющим также большое значение при исследовании религиозных представлений в прошлом, посвящено исследование Э. В. Померанцевой.

Особенности отдельных жанров, задачи и приемы их изучения обсуждались на многих совещаниях. О конференциях по эпическим жанрам уже было сказано выше. В 1961 г. в Горьком была проведена научная конференция «Специфика жанров русского фольклора», где обсуждались как общие принципы определения жанра (доклад В. Я. Проппа), так и характер разных жанров⁷³.

Конференция «Русский песенный фольклор Поволжья» (Саратов, 1960 г.) была специально посвящена песенным жанрам, на ней обсуждался вопрос и о классификации песен (доклад Н. П. Колпаковой)⁷⁴. Об особенностях фольклора (преимущественно песенного) донского казачества и его жанровом составе говорилось на научной конференции в Ростове-на-Дону (1961)⁷⁵. В 1974 г. должна быть проведена в Минске конференция по народной прозе.

Специфике фольклорных жанров посвящен десятый выпуск «Русского фольклора»; эта же проблема на материале разных народов ставится в сборнике, подготовленном Институтом мировой литературы⁷⁶, отдельные жанры русского и славянского фольклора рассматриваются в сборниках «Славянский фольклор», изданных Институтом этнографии (1965 и 1971 гг.).

Можно сказать, что проблема жанров, их генезиса, развития и взаимосвязей — одна из кардинальных проблем современной фольклористики. Она ставится в том или ином плане в большинстве работ и изучается в теоретическом аспекте. Принципы общей классификации жанров разрабатывались В. Я. Проппом⁷⁷ и К. В. Чистовым⁷⁸. На совещании в Ленинграде по проблеме связей литературы с фольклором Н. И. Кравцов выступил с докладом, в котором рассматривал жанры русского фольклора как систему⁷⁹.

При исследованиях разного рода перед фольклористами возникали и специально ими обсуждались сложные теоретические проблемы.

Одна из таких проблем — соотношение фольклора и истории. В исследованиях русских былин особенно отчетливо выявилось разное понимание характера их историзма. Так как этот вопрос имеет существенное значение для изучения эпоса (и ряда других жанров) всех советских народов, в 1964 г. была проведена всесоюзная конференция «Проблемы историзма фольклора»⁸⁰, основой которой послужило обсуждение работ по русскому эпосу Б. А. Рыбакова и В. Я. Проппа.

⁷² Помимо указанных выше трудов Г. М. Василевич и Б. О. Долгих, можно назвать: Г. П. Снесарев, Три хорезмийские легенды в свете демонологических представлений, СЭ, 1973, № 1; Л. С. Толстова, Древние мотивы в фольклоре узбеков Южно-Хорезма (по материалам полевых исследований), СЭ, 1973, № 2, и др.

⁷³ См.: Н. Полищук, Научная конференция, посвященная специфике жанров русского фольклора, СЭ, 1961, № 5; «Специфика жанров русского фольклора» (тезисы докладов), Горький, 1961.

⁷⁴ См. А. М. Астахова, Научная конференция «Русский песенный фольклор Поволжья», в кн.: «Русская народная поэзия. Фольклористические записки Горьковского гос. университета», № 1, Горький, 1961.

⁷⁵ См. С. И. Дмитриева, Научная конференция по народному творчеству донского казачества, СЭ, 1962, № 4. Материалы конференции опубликованы в сборнике «Народная устная поэзия Дона», Ростов-на-Дону, 1963.

⁷⁶ «Специфика фольклорных жанров», М., 1973.

⁷⁷ В. Я. Пропп, Принципы классификации фольклорных жанров, СЭ, 1964, № 4.
⁷⁸ К. В. Чистов, К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы, М., 1964, и др.

⁷⁹ См. «Система жанров русского фольклора», в кн. Н. И. Кравцов, Проблемы славянского фольклора.

⁸⁰ См. Н. Кидайши-Покровская, Конференция «Проблемы историзма фольклора», «Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка», т. XXIII, 1964, вып. 5.

Вопрос об историзме фольклора — часть важнейшей проблемы фольклористики — отношения фольклора к реальной действительности и принципов ее отображения в разных жанрах. Это остается одним из основных критериев для определения специфики жанров и их разграничения. Специально этой проблеме посвящены сборники, подготовленные Институтом мировой литературы⁸¹ и Институтом этнографии⁸².

Проблемы теории фольклора и методы его исследования специально обсуждались на Всесоюзных совещаниях по проблемам современной фольклористики (Ленинград, 1958)⁸³ и по основным направлениям в изучении фольклора (Москва, 1971). Особое внимание привлек сравнительно-исторический метод. И это понятно, без сравнительно-исторического изучения нельзя до конца уяснить многие явления фольклора и установить закономерности его развития. Между тем, справедливо критикуя методологические недостатки прежних компаративистских исследований, наши фольклористы одно время просто отказывались от его применения. Новая методика сравнительно-исторического изучения фольклора была разработана В. М. Жирмунским в докладе на IV Международном конгрессе славистов (Москва, 1958)⁸⁴, в ряде его выступлений и работ. Им четко были разграничены историко-генетический и историко-типологический типы сравнения, объясняющие разные исторически сложившиеся типы фольклорных связей. Эта методика применяется и совершенствуется в исследованиях последних лет (например, в указанных трудах по славянскому эпосу и балладам Б. Н. Путилова, Н. И. Кравцова, Ю. И. Смирнова и др.). Б. Н. Путилов подготовил теоретическую монографию «Методология историко-сравнительного изучения фольклора»⁸⁵. Результаты теоретических и методологических поисков и разработок обобщены В. Е. Гусевым⁸⁶. Им рассмотрены все основные проблемы современной фольклористики: социальная природа фольклора, отношение его к действительности, фольклор как факт народной культуры, коллективность, художественный метод, классификация фольклорных произведений. К сожалению, это пока единственный общий труд по теории фольклора и дальнейшая углубленная разработка выдвинутых проблем остается одной из первоочередных задач фольклористов. Важное место в разработке теории фольклора принадлежит П. Г. Богатыреву⁸⁷. Характеризуя фольклор, как особую форму творчества, он рассматривает и его основные свойства (коллективность и пр.), виды и границы импровизации, выделяет доминантные функции разных жанров, связи разных видов народного искусства и пр.

Необходимость критического отношения к фольклорным текстам при их издании и исследовании заставила обратиться к разработке научной текстологии фольклора в целом и отдельных его жанров⁸⁸.

⁸¹ «Вопросы народно-поэтического творчества. Проблемы соотношения фольклора с действительностью», М., 1960.

⁸² «Славянский фольклор и историческая действительность», М., 1965.

⁸³ См.: А. М. Астахова, Всесоюзное совещание фольклористов, СЭ, 1959, № 3; О. Б. Алексеева, Всесоюзное совещание фольклористов, «Русский фольклор», IV, М.—Л., 1959.

⁸⁴ См. в кн.: В. М. Жирмунский, Народный героический эпос, М.—Л., 1962.

⁸⁵ См. также Ю. И. Смирнов, Схождения между славянскими эпосами и метод исследования, в кн.: «Межславянские культурные связи», М., 1971.

⁸⁶ В. Е. Гусев, Эстетика фольклора, Л., 1967.

⁸⁷ П. Г. Богатырев, Вопросы теории народного искусства, М., 1971.

⁸⁸ Помимо указанного сборника по текстологии эпоса см.: К. В. Чистов, Современные проблемы текстологии русского фольклора. Доклад на заседании эдиционно-текстологической комиссии V Международного съезда славистов, М., 1963; его же, Реконструкция текста и проблемы текстологии преданий, в кн.: «Текстология славянских литератур», Л., 1973; Б. Н. Путилов, Современная фольклористика и проблемы текстологии, «Русская литература», 1963, № 4; его же, Вопросы текстологии произведений русского фольклора, в сб.: «Издание классической литературы. Из опыта «Библио-

Говоря о роли центральных институтов АН СССР в развитии основных направлений фольклористики нельзя не упомянуть хотя бы очень кратко о работах по истории русской фольклористики, которые стимулировали историографические исследования в союзных и автономных республиках. Здесь прежде всего должен быть назван известный труд М. К. Азадовского⁸⁹, в котором дана новая периодизация истории русской фольклористики. М. К. Азадовский первый указал на принципиальное значение для исследования фольклора высказываний А. Н. Радищева, А. С. Пушкина, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова. Вслед за ним изучение революционно-демократического направления развернулось достаточно широко; особенно много и успешно в этом направлении работал В. Е. Гусев, который рассмотрел также значение для фольклористики трудов первых русских марксистов⁹⁰. Деятельность отдельных фольклористов и научных обществ рассмотрена в ряде статей издаваемых Институтом этнографии сборников «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» (отв. редактор Р. С. Липец), часть их основана на архивных материалах, впервые вводимых в научный оборот.

Своеобразным смотром советской фольклористики за истекший период, ее достижений и имеющихся еще пробелов явилась конференция «Проблемы теории фольклора» (Тбилиси, 1972), посвященная 50-летию образования СССР. Доклады на конференции охватили всю основную проблематику современных фольклорных исследований⁹¹. Материалы конференции подготовлены к печати Научным советом по фольклору.

Сделанный обзор далеко не полон, он не охватывает всех работ фольклористов, работающих в академических институтах. Не было возможности перечислить и все издания материалов. Так, не названы вышедшие тома серии «Сказки и мифы народов Востока» (председатель редколлегии Д. А. Ольдерогге), которая имеет большое научное и общественное значение. В статье указаны лишь основные направления фольклористических исследований в АН СССР и труды обобщающего характера, имеющие теоретическое значение. Но из этого краткого обзора можно видеть, какая широкая и многообразная работа проводится Академией наук СССР по изучению народного поэтического творчества.

FOLKLORE STUDIES IN THE ACADEMY OF SCIENCES

The article deals with the role of institutions belonging to the USSR Academy of Sciences in the development of Soviet folklore studies. A brief description is given of the main lines of folklore research that is being carried on in the corresponding sectors of the Academy's institutes: the N. N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnography, the Institute of Russian Literature («Pushkin House») and the A. M. Gorki Institute of World Literature. An enumeration is given of those general works summarizing individual problems and genres that have had a certain influence over the development of folklore studies in the Union and Autonomous republics. The role played by all-Union and regional conferences on folklore study problems is also noted: such conferences are organized by the Folklore Research Council attached to the Literature and Language Department of the USSR Academy of Sciences together with the institutes of the all-Union and Republican Science Academies.

теки поэта», М., 1963. Институт русской литературы посвятил проблемам фольклорной текстологии специальный сборник: «Принципы текстологического изучения фольклора», М.—Л., 1966.

⁸⁹ М. К. Азадовский, История русской фольклористики, т. 1, М., 1958; т. 2, М., 1963.

⁹⁰ В. Е. Гусев, Марксизм и русская фольклористика конца XIX — начала XX в., М.—Л., 1961.

⁹¹ См. А. И. Кузьмин, Всесоюзная научная конференция «Проблемы теории фольклора», «Изв. АН СССР: Серия литературы и языка», 1973, вып. 2.